

“Новая Россия” в лайковых перчатках

Выступления Юрия Башмета за пультом большого оркестра можно пересчитать по пальцам: привычнее облик маэстро в качестве солиста и руководителя камерного ансамбля. Потому, зная, что Башмет должен окупиться в работу с симфом, унаследованным от Марка Гуренштейна, нынешнего главы Юсборкестра, общественность жгуче желает видеть результат. И то, что оркестр перешел из ежовых рукавиц в лайковые перчатки, придает новому альянсу оттенок эксперимента. Для первого концерта с “Новой (обновленной “Молодой”) Россией” Башмет выбрал Шуберта – “Неоконченную” и “Трагическую” симфонии – и подошел к делу рационально: Шуберт всегда был его “сильным местом”, не говоря уже о том, что он во всех отношениях удобен для творческого знакомства музыкантов.

Австриец вышел – воплощенное изящество и благородство. Пусть трагические кульминации “Неоконченной” высветлены и слышатся современному уху немного наивными, но их ясная грусть тут уместнее безнадежной скорби, культивируемой некоторыми маэстро. Страсти же “Трагической” заключены в рамки светского приличия, а пылкость сдерживается корсетом благоразумия. И коли уж романтизм теперь своего рода лакмус высшего мастерства, фирменная “фишка” старого музыкального “цеха”, то тут Башмет – не последний, но могиканин.

С Шубертом соседствовал Брамс (скрипичный концерт), солировал Виктор Третьяков (кому же, как не другу, доверить первую запись новой летописи!) – большой мастер, по-прежнему поражающий особой культурой звука и вдумчивостью исполнения. Правда, если эффектные фиоритуры виртуозны, а яркие мелодические кульминации неизменно выразительны и точны, то менее значимые (для формы целого, но не для слушателя) фрагменты некогда идеального в исполнении Третьякова опуса, увы, обнаруживали интонационные и технические огрехи.

Дирижер в масленичную пору показал себя хорошей хозяйкой, у которой первый блин комом не бывает. Не беда, что в главной партии “Неоконченной” гобой и кларнет не договорились о строе, что не вышла синхронность туттийных тремоло, что неповоротливая, тяжелая медь чашечка не поспевала, что тромбон ринулся вперед батюки в пекло коды... Зато струнные радовали чертежной четкостью штриха, валторны – непривычным для этого коллектива, но приветствуемым чувством меры звука. От старой “Молодой России” остались и неровность (есть все, кроме статики), и нервность. Но чувствительность нерва – свидетельство наличия жизни. В “Обновленной России”, бьющей ключом.

Татьяна ДАВЫДОВА

*Культура. - 2003 -
13-19 марта. - с. 7*